

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

Д.Я. Майдачевский

**МЕНЯЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОТ «РАСШИРЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ»
К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИСТОРИИ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2012

УДК 330.8 + 338 (091)
ББК 65.02 + 65.03
М14

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р экон. наук, проф. М.П. Рачков
канд. экон. наук, доц. Ж.З. Тагаров

Майдачевский Д.Я.
М14 Меняющееся пространство экономической историографии:
от «расширенной библиографии» к дисциплинарной истории /
Д.Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 152 с.
ISBN 978-5-7253-2523-2

Рассматривается становление и развитие экономической историографии как исследовательского направления в экономической истории. Расширение перспектив направления освещается в контексте преодоления традиционных, конвенциональных форм представления прошлого, сложившихся в экономической науке.

Для специалистов в области истории экономической мысли и экономической истории, преподавателей и аспирантов.

ББК 65.02 + 65.03

ISBN 978-5-7253-2523-2

© Майдачевский Д.Я., 2012
© Издательство БГУЭП, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Звучащие порой оптимистичные заявления о настоящем и будущем дисциплины экономической истории в отечественной науке и подкрепляемые, как правило, ссылками на факты возвращения исследовательского внимания к историко-экономической проблематике, появления новых организационных структур и специализированных периодических или повременных изданий (*Виноградов, Бородин, 2008; Баканов, 2008*), относятся исключительно к экономической истории как области исследования исторической науки. Экономическая же история как исследовательская область науки экономической демонстрирует скорее пример маргинализации, если не упадка, утраты дисциплинарного статуса.

В заблуждение относительно дисциплинарного ее здоровья не должны вводить выпавшие на вторую половину 1990-х—начало 2000-х гг. возвращение экономической истории в учебные планы подготовки экономистов, появление соответствующих кафедр, подготовка и издание учебной литературы по дисциплине и т.д. Направленность учебных курсов и изданий на «повышение общей культуры» экономистов и отсутствие таковых для будущих специалистов в данной области, подготовка которых экономическими вузами не осуществляется даже на уровне магистратуры, заставляет задуматься скорее об учебном, а не научном характере дисциплины, нежели о функционировании знания в образовании как показателе степени его дисциплинизации.

Читаемая, как правило, первокурсникам, дисциплина традиционно носит «исторический характер», поскольку опирается лишь на полученные в средней школе знания всеобщей истории и обществознания. Она изучается параллельно с курсом экономической теории и не может в полной мере отталкиваться от базовых понятий экономической науки, опираться на ее теории, что, в конечном итоге, и не позволило ей сохраниться в учебных планах подготовки бакалавров. Причина — в «избыточности» в них исто-

рии: сообщество экономистов уже давно поставило знак равенства между историей «гражданской» (дисциплиной гуманитарной) и «экономической» (дисциплиной социальной), которая воспринимается всего лишь частью первой, делаящей акцент на описании экономического прошлого.

В начале нового тысячелетия экономическая история утратила самостоятельную позицию, прежде ею занимаемую в перечне научных специальностей ВАК, что, впрочем, стало всего лишь закономерным результатом уже давно шедшего на убыль количества защищаемых ежегодно диссертаций по истории народного хозяйства — показателя снижения исследовательского к ней внимания. Несмотря на это экономическая история все же присутствует в перечне как целостное образование — область исследований, чего нельзя сказать об историко-экономической проблематике в паспортах исторических специальностей, разбросанной между многими областями исследований, что, однако, не мешает именно историкам реализовать успешные исследовательские проекты в этой предметной области.

Благодаря историкам же (прежде всего, историкам-квантификаторам) отечественная наука медленно, но верно, интегрируется в мировое научное сообщество, представлена на международных конгрессах по экономической истории. Историки оказались в известном смысле «экономичнее» отечественных экономистов-историков, в большинстве своем далеких от использования неоклассической экономической теории, исторической статистики и экономико-математических методов анализа последней. Но, вместе с тем, и не отождествляющих экономику с прикладной математикой и не разделяющих точку зрения математически подкованных историков, что только осознание экономической истории неотъемлемой частью количественной истории позволит ей «самоорганизоваться» в будущем в качестве составной части мировой историко-экономической науки (Ломова, 1997)¹.

¹ Любопытно, однако, сравнить подобные заявления с точкой зрения зарубежных исследователей, полагающих, что именно засилье количественных исследований маргинализирует экономическую историю в рамках экономической науки (Whaples, 2010).

Нередко во всех бедах экономической субдисциплины винят лишь неблагоприятную «внешнюю» (политическую, экономическую, идеологическую) среду, в которой приходится существовать, а порой и просто выживать, многим отраслям социогумантарного знания. Вследствие чего возможность очередного возрождения былого ее «величия» усматривают в противодействии исключительно институциональным факторам снижения дисциплинарного статуса, и в этой связи ратуют за пересмотр учебных планов, обретение самостоятельной позиции в перечне научных специальностей и т.д. (Маркова, 2000, Маркова, Федулов, 2008). Между тем, основную вину за утрату такового следует возложить на нерешенность, прежде всего, внутридисциплинарных проблем. Как справедливо заметил оказавшийся (после того как возглавил сектор экономической истории Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН) по другую сторону дисциплинарных границ историк Ю.П. Бокарев, «исследования в области экономической истории не признаются частью экономической науки, а относятся к историческим дисциплинам. Экономисты настолько привыкли к такому положению вещей, что не задумываются над тем, является ли оно справедливым» (Бокарев, 2007б, с. 7)².

На страницах учебной литературы, призванной систематизировать научное знание, задавать предметную его область и унифицировать используемые методы, экономическая история предстает наукой, описывающей хозяйственные процессы в их хронологической последовательности, т.е. дисциплиной, главной задачей которой является получение достоверного знания о фактах, характеризующих экономические отношения минувших эпох. Совпадение познавательных характеристик — предмета исследования, используемых методов и способов теоретизирования — с аналогичными когнитивными характеристиками эко-

² Весьма красноречив, в этой связи, факт укомплектования штата сектора этой экономической научной институции шестью докторами и одним кандидатом исторических наук (Бокарев, 2007а, с. 55).

номической истории как области исторической науки (за исключением уже упомянутой клиометрики), содержит главную угрозу утраты экономической областью своего статуса, безотносительно к действию факторов социального, институционального характера. Будучи не в состоянии предложить интеллектуальных альтернатив исторической дисциплине, экономическая история как область экономической науки, для которой исследование прошлой экономической реальности лежит на периферии исследовательских интересов, неизбежно уступит решение этой задачи той, для которой она является центральной³.

Стратегии поддержания дисциплинарного статуса экономической истории должны уделять основное внимание когнитивным аспектам, быть направлены на обоснование содержательной самостоятельности экономической истории как области исследования экономической науки, т.е. основываться на понимании интеллектуального ее содержания. Совершенно очевидно, что без переопределения когнитивного содержания, нового понимания предмета изучения, переформулировки научных задач, стоящих перед областью, отграничения ее содержания от других областей, как и последующего институционального закрепления изменений, сохранить ее статус вряд ли удастся.

Первоочередным шагом на пути к пониманию интеллектуального и институционального содержания экономической истории как области исследования экономической науки, а, следовательно, и к выработке стратегии по поддержанию ее статуса, является обращение к дисциплинарной истории как способу установления ее целей, методов и границ. Именно в дисциплинарном прошлом можно рассмотреть корни многих современных проблем, обнаружить причины, по которым траектория когнитивного и институционального развития дисциплины привела ее к упадку.

³ Как справедливо подметили современные исследователи, изучение прошлой, «исчезнувшей» социальной реальности современными обществоведами «явно не вписывается в ту часть науки, которая ценится их сообществом и оплачивается властью предрежащими» (*Савельева, Полетаев, 1997, с. 22*).

На сегодняшний день дисциплина довольствуется лишь своеобразным «историографическим суррогатом», что изредка излагается в предисловиях, введениях или разбросанных по тексту учебных изданий «вставках», отсылающих читателя к биографиям и/или трудам ученых, принявших участие в ее «строительстве», школам, направлениям, этапам в развитии науки. Суррогатом, который не способен оказать конструктивного воздействия на дисциплину, вычленив ее из прочих дисциплин в соответствии с предметом, методами, задачами, содействовать формированию дисциплинарного самосознания, консолидации дисциплинарного сообщества. Создаваемая этими немногочисленными историографическими экскурсами путем механического соединения историографических фактов (имен, этапов, школ, направлений и т.д.) картина помещает на одной линии экономистов, использовавших исторические факты для обоснования своих теоретических построений, а также историков, прибегавших к экономическим методам, приемам их анализа и истолкования. набросанная широкими мазками и игнорирующая дисциплинарные границы, подобная историография призвана убедить в рождении новой «синтетической» дисциплины, нового дисциплинарного единства.

Однако, повторяемые авторами, словно заклинания, декларации о свершившемся междисциплинарном синтезе, зачастую не что иное, как ностальгия по ставшим уже достоянием истории науки представлениям о структуре, предметных областях и методах исследования экономического и исторического знания. Ностальгия, заставляющая вспомнить о недалеком прошлом, когда историко-экономическое знание рассматривалось исключительно под углом зрения, задававшимся отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством в обоих подразделах исторического знания марксистской теории исторического развития.

Между тем, именно в период господства марксизма в отечественной науке стало складываться новое исследовательское направление — экономическая историография. Пройдя несколько этапов в своем развитии, оно за-

кономерно сформулировало задачу изучения истории экономической истории как науки, или ее дисциплинарной истории, не преуспев, однако, в ее решении в силу ограниченности имевшегося в ее распоряжении историко-научного инструментария. Цели настоящей работы состоят, во-первых, в реконструкции пути пройденного данным исследовательским направлением и выявлении выполнявшихся экономической историографией функций; во-вторых, в извлечении уроков из ее истории и установлении наметившихся в развитии негативных тенденций, уводивших прочь от историко-научных изучений; и в-третьих, в выработке путей дальнейшего развития экономической историографии, способствующих, прежде всего, ее выходу за пределы историографических подходов, преследующих исключительно внутри-дисциплинарные цели «обзорно-библиографического» обобщения накопленного экономической историей научного потенциала, его осмысления и оценки с точки зрения состояния дисциплины на том или ином этапе ее развития.

Достижение последней и главной из поставленных целей неизбежно выводит исследование за рамки экономической историографии, заставляет включиться в обсуждение более широкого круга проблем историографии экономической науки, используемых ею подходов. Фактически — осуществить ревизию методологических концепций, имеющихся в распоряжении современного историка экономической науки, как тех, что сложились в марксистский период ее бытования, так и тех, что осваивались отечественным историко-научным сообществом в постсоветский период, будучи заимствованы из арсенала западной историографии экономической науки.

Ревизия историографических подходов к изучению прошлого экономической науки с целью выбора среди них наиболее релевантных поставленной цели расширения перспектив экономической историографии в ее движении к дисциплинарной истории, сопровождается в исследовании переоценкой традиционных, конвенциональных форм представления прошлого экономического знания. Отвер-

гая господствующую в историографии установку на построение непрерывности, преемственности в развитии идей, достигаемой во многом благодаря «возвратному» движению, реконструирующему прошлое науки с помощью существующих теоретических взглядов, историко-научные исследования нового типа настаивают на расширении перспектив исторической реконструкции, на дисконтинуальных представлениях об историческом развитии.

Как результат, на повестку дня встает вопрос об оптимальной единице историографического анализа науки (объекте анализа), на уровне которой более отчетливо могут быть выявлены уже не только интеллектуальные/когнитивные, но и социальные/институциональные аспекты научной деятельности. В свою очередь, выбор такой структурной единицы науки делает актуальной проблему выбора предпочтительного метода (методов), который можно применить для ее, а, следовательно, и науки в целом, исторического изучения. Обсуждение перечисленных проблем применительно к экономической историографии, решение которых одновременно может способствовать развитию методов и стандартов историцистского подхода в историографии экономической науки, завершает предпринятое автором исследование.